

Е.В. Анисимов

«Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий

16 апреля 1713 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин писал своему племяннику Александру Петровичу Апраксину, посланному в Лондон учиться на моряка, призывая его стараться, проявляя при том «крепкую прилежность»: «Практикуйся непрестанно, чтоб волю монаршую исполнить, а особливо без того возвращения себе в отечество не ожидай, дондеже познаешь науку морскую от кия до вымпела, как надлежит искусному морскому человеку, и не имей в том на меня для моей причины надежды, понеже именно Царское величество о сем изволит подтверждать. Которые из товарищей ваших приездом своим сюда и поспешили, оные пожалованы здесь из поручиков в матросы, только из них удержался в прежнем чине один господин Зотов»¹.

Ф.М. Апраксин поучал племянника не случайно — тому была «моя причина». Ведь еще в 1707 г. Федор Михайлович получил нагоняй от царя, который узнал, что Апраксин халатно отнесся к набору гардемарин для учебы за границей, поленился провести отбор стоящих кандидатов из дворянских недорослей, к тому же, не записав в школу малолетних отпрысков своих приятелей Головиных и Шереметевых, а также племянника Александра, сына старшего брата, казанского губернатора П.М. Апраксина. Тогда царь с раздражением написал Ф.М. Апраксину: «...ежели б я сам был на Москве, то б сам пересмотрел <...>, а зачем сия

¹ МИРФ. СПб., 1865. Ч. III. С. 53.

зима пропущена и сего не исполнено, не знаю»². Государь подозревал, что Ф.М. Апраксин искал послабления своему племяннику и детям родственников, а для вида отправил за границу пятерых случайно выбранных, «низкопородных» дворянских юношей: «Буде же ради собственного чего сие доброе дело изволяете портить, в том как хотите, да и по тому мочно знать, что всего откращено пять человек, и то из низких (как пословица есть: „На тебе, Боже, что мне негоже“), хотя б и все де-Рюйтелями (прославленный голландский адмирал М.А. Рюйтель. — Е. А.) выросли, так бы петью исправить флота невозможно»³.

Неудивительно, что в следующий раз генерал-адмиралу пришлось позабыть о родственных интересах («ради собственного чего») и послать на учебу племянника, ставшего позже хорошим моряком. Генерал-адмирал, зная, какую разгульную жизнь за границей вели зачастую русские гардемарины, предупреждал племянника, что государь придает особое значение учению за границей и лично экзаменует до того строго, что нерадивый практикант, не сумевший ответить на вопросы комиссии Адмиралтейства во главе с царем, оказывался не в каюте на юте, где жили офицеры, а в матросском кубрике, где и тянул лямку следующие несколько лет. И верно, упомянутый Ф.М. Апраксиным экзамен оказался настолько сложен, что офицерское звание из всей группы посланных учиться за рубеж подтвердил только один человек — Конон Никитич Зотов.

Он происходил не из дворян, а из дьяческого рода. Однако его отцом был знаменитый учитель Петра — дьяк, позже граф, начальник Ближней канцелярии и по совместительству первейший шут царя, знаменитый «князь-папа» и «святейший патриарх всепьянейшего собора» Никита Моисеевич Зотов. Существует немало документальных подтверждений того, что младший сын Н.М. Зотова (старшим был Василий, средним Иван) являлся человеком незаурядным. Во взрослую жизнь он вошел в 1704 г. Четырнадцатилетним подростком он попросил Петра отправить его учиться военно-морскому делу в Англию, что по

² ПиБ. СПб., 1907. Т. 5. № 1695. С. 221.

³ Там же. С. 221–222.

тем временам было поступком необычайным. Известно, с какой неохотой, фактически поневоле, ехали за границу учиться дворянские отпрыски. Не таким человеком оказался юный Конон. В английском флоте он провел гардемаринном три года и в 1707 г. вместо того, чтобы с радостью вернуться к родному очагу, написал отцу, что просит «дать позволение служить здесь на кораблях для практики». Н.М. Зотов передал письмо сына самому царю, и 10 сентября 1707 г. тот отправил юноше в Лондон, «или где обретаецца», следующее послание: «Вчерашнего дня я видел письмо у отца вашего (Н.М. Зотова. — *Е. А.*), от вас ко оному писанное, в котором сенц тот есть, что вам обучитца службе, на море принадлежащей. Которое ваше желание зело мы любезно принели и, можем так сказать, что мы ни от единого человека из Россиян такова подобного прошения не слышали, в котором вы первый объявились, понеже зело ретко случаетца, дабы кто из младых, оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел. В прочем желаем, дабы Господь Бог вам в сем (зело изрядном и едва не первом на свете почитаемом) деле благословил и счасливо в свое время к отечеству возвратил»⁴. Как мы видим, царь-мореплаватель, обычно скупой на похвалы, был в восторге от инициативы Конона. Царское письмо Конон получил вместе с письмом гордого его поступком отца. В нем Н.М. Зотов писал 11 сентября 1707 г. сыну: «Которое письмо изволил Великий государь вычесть и с премногою милостию тебя похвалить и за перваго охотника на те ево, государския любимые дела вменить, и десницею своею то письмо благословить, и про твое недостойное такия превысокия монаршеские милости здоровьишко пить кубок венгерского, а потом изволил к тебе с великою милостию писать своею государскою, собственною десницею»⁵.

Со временем выяснилось, что Конон был умен и любил не только «шуму морского» слушать, но и обладал даром переводчика (знал английский, французский, голландский языки), при этом хорошо владея пером. В феврале 1711 г. командировка Конона, уже ставшего поручиком, «для пребывания его в науках

⁴ Там же. СПб., 1912. Т. 6. № 1955. С. 85–86.

⁵ Там же. С. 339–340.

в окрестных государствах» была вновь продлена⁶, однако осенью того же года Конона неожиданно отозвали на родину. 7 ноября Петр писал ему из Эльбинга: «Господин Зотов. Понеже мы надеемся, что уже вы, чрез такое время будучи в тамошних краях, практику в морском хождении приняли, того для, по получении сего письма, надобно вам возвратитца в свое отечество, ибо мы нынче в морских афицерах имеем нужду»⁷.

В 1712 г. К.Н. Зотов вернулся в Россию с группой практикантов, и тогда-то он и подвергся тому самому экзамену, о котором писал Ф.М. Апраксин своему племяннику. Как происходило такое испытание, нам видно из «Записок» И.И. Неплюева: царь «... мне сказал: „Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя спросят, но не робей, буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи“. И, оборотясь к Змаевичу (шаутбенахт. — Е. А.), приказал расспросить меня, а как я давал ответы, то он изволил сказать Змаевичу: „Расспрашивай о высших знаниях“. И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики»⁸.

Служба поручика К.Н. Зотова в молодом русском флоте началась с того, что назначенный офицером на корабль «Эсперанс» к капитану Н.А. Сенявину, он, во время крейсирования корабля в Финском заливе, выпал за борт, но не утонул, а был подобран вовремя спущенной на воду шлюпкой. Этот опасный эпизод, внесенный в официальную биографию К.Н. Зотова⁹, кажется нам весьма примечательным и даже символичным. Дело в том, что в характере, поведении, образе мысли и действий Конона Никитича всегда сквозило что-то нестандартное, смелое, даже бесшабашное. При этом, несмотря на переделки, в которые он регулярно попадал (преимущественно по личной инициативе), К.Н. Зотов благополучно выходил сухим из воды, что в Петровскую эпоху людям его круга удавалось нечасто.

На флоте он выполнял разные поручения Петра, в том числе и весьма сложные. Как известно, царь, торопясь пополнить флот

⁶ МИРФ. СПб., 1866. Ч. III. С. 34.

⁷ ПиБ. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. № 4879. С. 247.

⁸ *Неплюев И.И.* Записки // Империя после Петра: (1725–1765 гг.). М., 1998. С. 419.

⁹ Общий морской список. СПб., 1885. Т. 1. С. 156.

крупными кораблями, с 1712 г. начал заказывать (строить и покупать) в Голландии и Англии боевые корабли. Затем их под флагами нейтральных стран в качестве торговых судов, снабженных фальшивыми документами, перегоняли в Кронштадт. Шведы быстро раскусили уловку русских и открыли за такими кораблями настоящую охоту. В 1714 г. в г. Пернов (ныне Пярну) прорвался купленный в Англии корабль «Перл». К.Н. Зотову и капитану Эдварду Вогану с командой было предписано прибыть в Пернов, расплатиться с английским экипажем, пригнавшим корабль, усовершенствовать оснастку корабля и затем провести его в Ревель, да так, чтобы не напороться на шведские каперы, шнырявшие в море¹⁰. После этой, вполне успешно закончившейся операции, Конон Никитич продолжал служить на флоте и тогда же был привлечен царем к созданию русского военно-морского законодательства.

В октябре 1713 г. Петр, в ответ на просьбу Н.М. Зотова отпустить Конона к нему в Москву, писал: «Сына Вашего отпустить невозможно — переводит Артикул морской к весне»¹¹. Заметим кстати, что с тех пор и до конца жизни в 1742 г. Конон систематически занимался переводами с иностранных языков военно-морских, торговых регламентов и уставов различных государств, а затем, взяв их за основу, компилировал, при непосредственном участии Петра, их главные положения, составляя таким образом нечто новое. Так рождалось российское военно-морское законодательство. По тем временам подобный подход являлся наиболее рациональным для страны, ранее не имевшей своего флота. Французский «Артикул морской» — это Ордонанс Людовика XIV 1681 года¹². Для перевода Ордонанса царь 13 сентября 1713 г. срочно вызвал Конона с Котлина и предписал ему закончить эту работу к весне 1714 г., однако задача оказалась сложной и текст был готов лишь поздней осенью¹³.

¹⁰ МИРФ. СПб., 1865. Ч. I. С. 556 и др.

¹¹ ПиБ. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. № 6264. С. 137.

¹² Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях / Сост. Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 42.

¹³ Там же.

Французским языком и принципами перевода Конон овладел, вероятнее всего, под началом своего брата Ивана Никитича, профессионального переводчика с французского, долгое время служившего в русском посольстве в Париже. В 1708 г. по заданию царя Иван переводил книгу Никола-Франсуа Блонделя «Nouvelle manière de fortifier les places» (1683), изданную в 1711 г. под названием «Новая манера укреплению городов», причем сам царь подверг перевод придирчивому редактированию¹⁴. То, что Петр поручил Конону перевод Ордонанса, лишней раз подчеркивало его профессионализм и как переводчика, и как моряка, по достоинству оцененный царем. Государь был убежден, что переводами в каждой области знаний должны заниматься люди, глубоко постигшие суть дела.

Из процитированного выше письма Н.М. Зотова следует, что обстановка в семье петровского сподвижника была родственная и теплая. Так, Никита Моисеевич просил царя отпустить сына из Петербурга в Москву, чтобы тот простился со своим 26-летним братом Иваном, «на одре смертном лежаща». Позже Иван благополучно поправился и дожил до 1723 г. Возможно, Никита Моисеевич прибег к некоторому, привычному в такой ситуации обману в расчете на то, что царь наверняка отпустит Конона в Москву проститься с умирающим братом. Указана и другая, трогательная причина для поездки сына — отец пишет, что Конон «платышко обносился, дабы вновь что сделать, и чтоб меня застал на Москве»¹⁵. Эти мелочи, говорящие о сердечности отношений отца и сына, кажутся важными в свете тех драматических событий, в центре которых вскоре оказалась семья Зотовых.

Собственно, сам Никита Моисеевич Зотов и явился причиной происшедшего. В 1713 г., достигнув 70 лет, Н.М. Зотов попросился у Петра на покой — по обычаям старины он хотел постричься в монахи. Но царь, привыкший видеть незаменимого «святейшего» в своем «Всеппянейшем соборе», пострижение запретил и, наоборот (как цитировал царя сам Н.М. Зотов в

¹⁴ ПиБ. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3095. С. 106, 728–729.

¹⁵ Там же. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. Примеч. к № 6040. С. 470.

письме из Москвы от 2 октября 1713 г.), «указал мне для домового осмотра иметь в супружестве жену, избрав добрую средовечную, дабы старость мою покоила». При этом Зотов, не без привычного в ближнем окружении царя шутовства, просил Петра (в случае обретения им подходящей невесты) разрешить ему повенчаться с ней в Москве, скромно, без особой огласки: «Супружество принять неразгласительное и от разбивки злых чело-век петербургским жителем, сокровенное». А после этого, уже с молодой женой, по зимнему пути, «князь-папа» готов был явиться в Петербург «для увеселения вашего государского», чтобы «радостною охотою вас, государей, тешить готов, только б бабу супружеством с Москвы уволочь, а бес того никакая вдова з женихом без супружества ехать не похочет по замерзлому своему стыду»¹⁶. Однако намерения Зотова государь не одобрил, обвинил «святейшего» в том, что тот хочет устроить свадьбу воровски, «татски»¹⁷, и сразу же решил организовать своему сподвижнику грандиозную шутовскую свадьбу-карнавал. Для начала Зотову быстро нашли подходящую вдову. Ею оказалась Анна Стремоухова, урожденная Пашкова, тетка петровского денщика Егора Пашкова. Царь приказал всем участникам позорища, не мешкая, явиться к Рождеству 1713 г. в Петербург, а сам засел за сочинение сценария потешной свадьбы, состоявшей из карнавальных шествий, шутовских церемоний, повального пьянства и непристойных, с эротическим подтекстом, мизансцен.

И вот тогда-то Конон Зотов обратился к царю с необычной челобитной, ярко характеризующей его как человека. Конон просил государя отменить задуманную свадьбу отца. Мотивы этого поступка ясны. Сыну, достигшему значительных служебных успехов, моряку, ценимому самим Петром, было стыдно за ту клоунату, которую собирался устроить царь с участием его старика-отца. Челобитная была выдержана в стиле традиционных прошений, по форме — слезная, уничижительная, изобилующая любимыми Петром библейскими образами, а по содержанию — дерзкая, оспаривающая волю самодержца. По сути она

¹⁶ Там же. Вып. 2. Примеч. № 6264. С. 470–471.

¹⁷ Там же. С. 137.

являлась выражением протеста нового, европейски воспитанного человека Петровской эпохи против привычного для России унижения чести, достоинства и имени. 28-летний Конон Никитич писал: «Умилосердись, государь! Предвари искушению дьявольскому и хотящей нам быти наглою напасти, подлежит убо сие вашей премудрости и милости. Таким ли венцом пристойит короновать конец своей жизни, яко ныне приведен отец мой чрез искушение? Смело называю искушением, понеже премудрость Соломонова таковым гнушается, написавши яко трех вещей возсмерде его совесть, из них же гнуснейшее бысть перед ним старых прелюбодейство, суще умаленных смыслу. По сей пункт отдаю мой сыновский долг, душевным плачем моля Ваше величество, дабы изволение Ваше причинствовало его совести умному о себе расположению»¹⁸.

Впрочем, существовала и другая, более прозаичная причина протеста Конона (поддержанная его братьями): они подозревали, что невестой, согласившейся выйти за дряхлого старика, движут банальные, корыстные побуждения: «...еще я верю, что она для того идет в замужество, чтоб ей нас, детей его, лишить <...> наследства»¹⁹. Петр оставил просьбу К.Н. Зотова без внимания: воля его оставалась, как всегда, непреклонной; шутовское празднество, длившееся много дней, было пышным и безобразным. Как и во многих других публичных действиях петровской поры, царь видел в этой свадьбе не только традиционно грубое развлечение, но, согласно принципам культуры барокко, вкладывал в нее определенный символический смысл. Возможно, прав был английский дипломат Джордж Маккензи, заметивший о шутовской свадьбе Н.М. Зотова, что царь «...намеревается, являя самые радостные зрелища, сделать все возможное, чтобы вдохнуть в них веру в то, что люди во всякие годы могут быть молодыми»²⁰. И правда, как раз накануне, в 1712 г. сам Петр, достигший сороколетнего рубежа (возраст, в котором умер его отец, царь Алексей Михайлович) венчался с Екатериной.

¹⁸ *Семевский М.И.* Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1884. С. 293–294.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сборник РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 280.

Для братьев Зотовых (старший брат Василий был комендантом Ревеля) это мероприятие было, конечно же, оскорбительным и угнетающим, а когда в 1718 г. Н.М. Зотов умер, началась предсказанная Кононом свара за наследство. Вдова, следуя букве закона, требовала себе четверть довольно значительного состояния покойного мужа. Это, естественно, не устраивало сыновей Н.М. Зотова. В 1720 г. Конон Зотов, будучи уже капитаном второго ранга и командуя линейным кораблем «Девоншир», послал царю челобитную, в которой писал, что расценивает выделение вдове доли владений отца как кражу и что вдова в принципе виновата в смерти Н.М. Зотова. Там же Конон приводит вероятно слышанную им лично ироническую шутку царя: «...отец наш скорее от нея умер, сам ты, премудрой Государь, изволил физически (так! — Е. А.) сказать отцу моему, когда он занемог вскоре после своей женидбы, что совокупление с женою старого мужа есть ему отравка»²¹. 27 июня 1720 г. на лоскутке бумаги Петр ответил на челобитную К.Н. Зотова, отказав братьям Зотовым в их прошении: «Учинить по старому Уложению и по духовной, только впредь никто да не женитца, и никто замуж да нейдет с сего числа без контракту, учиненному прежде, такого, чтоб муж знал, что жена ему оставит, также и жена знала б, что муж ей оставит после смерти»²². Последняя сентенция премудрого государя, фактически вводящего в России институт брачного контракта, так и не была никогда оформлена в виде закона.

Вообще, 1720 г. стал в жизни Конона Зотова особенным и представляющим затруднения для его биографов. Но сперва коснемся все же карьеры Зотова до этой памятной даты. Начиная с 1713 г. Конон благополучно служил на флоте, делал переводы и в 1715 г. по указу Петра (Зотов к этому времени уже стал капитаном-поручиком) был послан во Францию с важным поручением, но «без характера», то есть без дипломатического статуса, что и требовалось для исполнения предназначенной ему миссии. Ведь ему предстояло выполнить шпионское по сути своей задание. Ему следовало наняться волонтером во французский

²¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 512–513.

²² Там же. Л. 512.

флот и «все, что ко флоту надлежит на море, и в портах сыскать книги, также чего нет в книгах, но от обычая чинят, то пополнить и все перевести на словенской язык нашим штилем, толко храня то, чтоб дела не проронить, а за штилем не гнатца»²³.

Нечто подобное в том же 1715 г. царь поручил выполнить голштинцу Генриху Фику. Ему следовало поехать в Швецию и под видом поиска места службы изучить и занести на бумагу устройство государственного управления Швеции. Таким образом Петр собирал по тем временам секретную информацию для разработки собственного законодательства и проведения государственной реформы. К тому времени царю стало ясно, что переведенный ранее Ордонанс Людовика XIV недостаточен для понимания системы управления французского флота и нужна дополнительная информация. Для сбора ее Конон подходил как нельзя лучше.

Но, как это часто бывало ему свойственно, царь попутно давал К.Н. Зотову массу других поручений, далеких от изучения устройства французского флота и адмиралтейства. Так, на его плечи легла обязанность искать во Франции специалистов различных профессий, готовых поехать в Россию, нанять и затем отправить их в Петербург. Это задача казалась Петру важнее, чем изучение французских военно-морских уставов. 20 октября 1715 г. царь писал Зотову, чтобы тот использовал подходящее время, учитывал, что с началом Регентства строительная лихорадка, характерная для эпохи Людовика XIV, неизбежно стихнет: «Как вам при отъезде наказана старатца о механике и протчем, тож и ныне подтверждаю, к тому ж и сие прилагаю, понеже кароль Француской (Людовик XIV. — Е. А.) умер, а наследник зело молод, то чаю многия мастеровыя люди будут искать фортуны в ыных государствах, чего для наведывайся о таких и пиши, дабы потребных не пропустить, также не будут ли чего из двора продавать, а именно убороф каких, шалдерей и протчево, о чем также дай знать»²⁴. Вместе с правительственным агентом И.И. Лефортом К.Н. Зотов и сформировал так называе-

²³ Законодательные акты Петра I... С. 43.

мый «французский десант» из двух сотен специалистов, которые во главе с Ж.-Б.А. Леблонем в 1716–1717 гг. высадились на берегах Невы. Сам же К.Н. Зотов длительное время сопровождал Ж.-Б.А. Леблону на пути в Россию. Кроме того, Конон занимался копированием и покупкой разных архитектурных чертежей, книг, приборов, механизмов, вещей для личных царских нужд²⁵. В то время он вел постоянную переписку с Петром, который был весьма доволен своим инициативным представителем во Франции. Государь еще более убедился в его полезности, когда сам в 1716 г. отправился в Западную Европу.

Любопытно, что К.Н. Зотов, выполняя многочисленные поручения Петра, оставался внутренне независимым, широко мыслящим человеком. Изучая жизнь Франции, он пекся об интересах своей страны, писал Петру о том, что России необходим полноценный торговый договор с Францией (К.Н. Зотов сам подготовил проект такого). Он сообщал, что надлежит расширить торговлю с Францией и прислать торгового резидента, что приоритетом торговой политики на Западе должна стать самостоятельная, без посредников, торговля русскими товарами. В своих донесениях Конон подчеркивал необходимость торговли не только с Францией, «но и с прочими, яко с Флоренциею, где есть город Ливорно и куды так великое число российских товаров агличеня и галанцы отвозят, и именно есть: икра паюсная, воск и протчая»²⁶. Многие его идеи были впоследствии реализованы.

Впрочем, Петр не забыл, для чего он изначально командировал К.Н. Зотова, и 23 декабря 1715 г. писал ему в Париж: «Когда

²⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 9. Л. 48.

²⁵ Подробнее о разнообразной деятельности К.Н. Зотова во Франции см.: Мезин С.А. «Усердный своему отечеству Конон Зотов» // Петровское время в лицах: Материалы научной конференции — 2017. СПб., 2017. С. 205–216; Латтева Т.А. Накануне визита Петра I во Францию: Переписка К.Н. Зотова и Ж. Лефорты // Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж—Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 332–341.

²⁶ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 157–158.

[Рене] Ламбота и [Ж.-Б.А.] Леблон с прочими в службу примите, тогда поезжайте к портам для управления врученного вам дела»²⁷, но при этом поручил ему «искать гисторического маляра, а особливо домогатца ис таких, кто был в подмастерьях у славного мастера Лебрюнна (Шарля Лебрена. — Е. А.), которой был у короля Французского (Людовика XIV. — Е. А.), однакож осведомитца наперед, чего он будет просить и о том к нам писать»²⁸.

Словом, времени заняться устройством французского Адмиралтейства у Конона явно не хватало, и в марте 1716 г. он предложил царю найти ему замену из числа знающих латынь церковников. К.Н. Зотов настаивал, что кандидатов следует избирать непременно «из средней статьи людей, не из породных, ниже из подлых, для того, что породные презирают труды (хотя по пропорции их пород и имения должны также быть и в науке отменны пред другими). А подлой не думает более, как бы чрево свое наполнить. И тех латинистов прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы как суды и всякия судейские дела обходятся в Адмиралтействе»²⁹.

Сам же К.Н. Зотов 9 мая 1716 г. с нанятыми ранее Ж.-Б.А. Леблоном, К.Б. Растрелли, Луи Каравакком и сотней мастеровых выехал из Парижа в Россию. Он проводил Ж.-Б.А. Леблон до Пирмонта, где Петр тогда проходил курс лечения. 8 июня Петр писал князю Б.И. Куракину: «Конан Зотов с Леблоном сюды приехал»³⁰. Чуть позже в Санкт-Петербург ушло другое письмо: «На сих днях приехал сюды Конон Зотов и привез с собою из Франции славного архитектура и механика Леблон и прочих мастеровых, которые приняли нашу службу, и оных на сих днях к вам отправили». Из опубликованной С.А. Мезиным переписки Ж.-Б.А. Леблон и К.Н. Зотова видно, что между ними установились дружеские отношения³¹. Последнее характеризует

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 79. Л. 474.

²⁸ Там же. Л. 474а, 476, 480.

²⁹ *Берх В.Н.* Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1830. Ч. 4. С. 20.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 607–608.

³¹ *Мезин С.А.* «Усердный своему отечеству Конон Зотов»... С. 213–214.

К.Н. Зотова как тонкого дипломата, умевшего найти общий язык с разными людьми. Перед встречей с архитектором Петр, скорее всего, познакомился с книгами и чертежами Ж.-Б.А. Леблона, накануне присланными в Пирмонт К.Н. Зотовым. Из Пирмонта царь в компании Ж.-Б.А. Леблона и К.Н. Зотова доехал до Шверина. Затем Ж.-Б.А. Леблон отправился в Петербург, куда и приехал в начале августа 1716 г. Следом за ним, в сентябре, прибыл первый французский «десант» мастеров — всего 129 человек³².

Но К.Н. Зотов уже не сопровождал французов до самой России. У него были свои, весьма дерзкие планы. Конон решил отправиться в дальнейшее путешествие. В марте 1716 г. он писал царю: «По отправлении мастеров, я поеду в Царь-град, которого места пристань и крепость издавна желал видеть»³³. Плыть к туркам он задумал на французском военном корабле вместе с новым французским послом, направлявшимся в Константинополь на смену старому. При этом К.Н. Зотов хотел наняться на корабль и, памятуя главное свое задание во Франции, обещал «усмотреть обхождение команды и офицеров». Понимая, что это самоуправство, в оправдание свое он писал: «Прошу милосердно в вине моей дерзости истинно, государь, сия дерзость не от единого чего, только от чистого усердия»³⁴.

Идея путешествия К.Н. Зотова в Блистательную Порту очевидно не понравилась царю. 4 августа 1716 г. Петр предписал ему вернуться во Францию и заняться наймом французских корабельных мастеров — как раз тогда у царя возникла идея развивать в России кораблестроение не только по английскому, но

³² Андреева Е.А. Французский «десант» Ж.-Б.А. Леблона // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков: Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. СПб., 2018. С. 235.

³³ Берх В.Н. Собрание писем императора Петра I-го. С. 20–21.

³⁴ Там же. С. 21. К.Н. Зотов собрался на Восток не в первый раз. Т.А. Базарова любезно сообщила мне, что, по ее данным, в феврале 1709 г. П.А. Толстой писал П.П. Шафирову из Константинополя, что К.Н. Зотов пришел на английский корабле в Османскую империю и находится в «Халепе сиречь Антиохии» (ныне Хатай).

и по французскому типу³⁵. К.Н. Зотову было также поручено ведение русскими гардемаринами, которые стали его постоянной головной болью. Эти нередко неотесанные и дикие молодые люди по лени, неопытности, разгильдяйству, склонности к кутежам постоянно попадали в пренеприятнейшие (в том числе криминальные) истории. Порой они страшно бедствовали, так что К.Н. Зотов снабжал их деньгами из своего кармана, одалживал им одежду, вытаскивал их из-под ареста и даже прикрывал их уголовные преступления³⁶.

В какой-то момент своего пребывания во Франции К.Н. Зотов допустил серьезный промах. Дело в том, что он по протекции Петра был допущен к регенту Франции Филиппу Орлеанскому, а также к влиятельному сановнику, руководителю Морского совета маршалу д'Эстре (Последний привязался к нему почти как к родному сыну, о чем К.Н. Зотов писал в донесениях Петру). По-видимому, окрыленный доверием Петра и милостью французских вельмож, Конон весной 1716 г. начал — опять же по своей инициативе и вопреки воле посла в Париже князя Б.И. Куракина — вести переговоры о возможном браке овдовевшего к этому времени царевича Алексея Петровича с французской принцессой. Это предложение одобрили при Версальском дворе³⁷, но момент для подобной инициативы был избран крайне неудачно: во-первых, К.Н. Зотов действовал, не заручившись одобрением самого Петра, и во-вторых, переговоры происходили как раз в то время, когда царевич Алексей бежал в Австрию. Словом, по-видимому, К.Н. Зотов получил выговор от царя за самовольную дипломатическую миссию, которую ему никто не поручал.

Как справедливо заметил С.А. Мезин, свидетельством гнева Петра стало отлучение Конона от личной переписки с царем — некоторое время он общался с государем только через кабинет-

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 82. Л. 81.

³⁶ Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017. С. 600–609.

³⁷ Лаптева Т.А. Накануне визита Петра I во Францию... С. 339; Мезин С.А. «Усердный своему отечеству Конон Зотов»... С. 210.

секретаря А.В. Макарова³⁸. В результате К.Н. Зотов не был привлечен к подготовке визита царя во Францию и узнал о прибытии Петра только из письма, в котором царь извещал о своем приезде в Кале. К.Н. Зотов, ощутивший себя весьма обиженным, писал А.В. Макарову, что ему «не дали нимало знать о походе царского величества в Париж, чают, будто бы гнев государев на мне есть»³⁹, — как, впрочем, и было на самом деле. Известно, что во время пребывания Петра в Париже весной 1717 г. К.Н. Зотов ни разу не упоминался среди сопровождавших царя людей. Он по-прежнему выполнял технические поручения царя и занимался проблемами гардемарин. Так прошел 1718 г. и в самом начале 1719 г. К.Н. Зотов, нагруженный купленными в Голландии для Петра книгами, возвратился в Петербург к флотским делам.

«Вольности» К.Н. Зотова во Франции никак не повлияли на его карьеру: в январе 1719 г. его произвели в капитаны третьего ранга. В мае, в составе эскадры своего прежнего начальника Н.А. Сенявина, К.Н. Зотов в звании командира линейного корабля «Девоншир», участвовал в сражении со шведами у острова Эзель. Да как участвовал! Он захватил шведский фрегат, и за этот дерзкий подвиг (а риск при взятии корабля противника всегда велик) сразу, без выслуги лет, прыгнул вверх по служебной лестнице — по воле Петра став капитаном второго ранга. Летом того же года ему было поручено осуществлять связь Петра с английским адмиралом Джоном Норрисом, чья англо-голландская эскадра вошла в Балтику в качестве союзника России и Дании против Швеции. В то время К.Н. Зотов командовал фрегатом «Самсон»⁴⁰.

Параллельно с плаванием и участием в сражениях, Конон Зотов занимался переводами и сочинением военно-морских регламентов. Из бумаг Адмиралтейства нам известно, что провиант на корабли загружали «против регламента», сочиненного К.Н. Зотовым⁴¹. А ранее, в 1718 г., Петр давал указания по поводу

³⁸ Мезин С.А. «Усердный своему отечеству Конон Зотов»... С. 210.

³⁹ Лаптева Т.А. Накануне визита Петра I во Францию... С. 340.

⁴⁰ Походный журнал 1719 г. СПб., 1855. С. 12, 33, 42–43, 45, 81.

⁴¹ МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 401.

составления Морского устава: «Чтоб зделат две книги, выпишат из аглинских, французских, дацких, шведских, галанских уставов и привесть попункно (так! — *Е. А.*) о каждой материи, зачав аглинским, а ко оному ис прочих подводит во всех книгах». И приписка: «Отданы Канону Зотову для собрания»⁴². Над этой работой он корпел и по возвращении в Россию.

Что делал на флоте К.Н. Зотов в начале 1720 г., мы не знаем, но 16 марта 1720 г. в журнале Адмиралтейской коллегии читаем неожиданную запись: «Морского флота капитана Конона Зотова в дерзновенном, непристойном его доношении, в противном толковании царского величества указов к допросу отослать в государственную Юстиц-коллегию, и чтоб оного далее сего марта 20-го числа не держали, для того, что по именному царского величества указу велено всех морских служителей определить к предбудущей компании на корабли с вышеозначенного числа, дабы каждый должность ко оному времени мог исправить»⁴³. Но столь же неожиданно Конон Зотов на допрос в Юстиц-коллегию не явился, несмотря на то, что трижды Адмиралтейская коллегия получала оттуда указ о его немедленной явке на допрос. Через неделю, 24 марта, в журнале Адмиралтейской коллегии появилась новая запись: «К шаутбенахту Сиверсу писать, чтоб он капитана Конона Зотова, арестовав, прислал в Адмиралтейскую коллегию за караулом немедленно, понеже требуют его по присланному третьему указу в Юстиц-коллегию для допроса по сенатскому указу»⁴⁴.

П.И. Сиверс, непосредственный командир Конона Зотова, находился при флоте, на Котлине, где был на своем корабле и Зотов. Что произошло дальше, мы не знаем точно, но ситуацию проясняет реляция французского дипломата Анри Лави от 5 апреля 1720 г.: «Передавали мне, что один офицер-моряк имел смелость написать царю в Олонец (Петр, действительно, в это время лечился на Марциальных водах. — *Е. А.*) письмо, в котором упрекает его за издание новых законов, вредных интересам

⁴² Законодательные акты Петра I... С. 57–58.

⁴³ МИРФ. Ч. IV. С. 405.

⁴⁴ Там же.

его и его подданных, утверждает, что он вообще не имел права издавать никаких законов без согласия московского земского собора (точнее — «*sans le consentement des états de Moscovie*». — *Е. А.*), и такие свои утверждения доказывает государю рядом весьма свободных рассуждений. Его величество со вниманием прочитал письмо и, сообщив содержание его окружающим, отослал его в Сенат для производства суда над автором. На допросе в Сенате последний сознался во всем и держал себя вообще до того бесстрашно, что на вопрос — разве он не боится справедливого наказания за свою дерзость, отвечал, что ему нечего бояться, так как царь дал ему шпагу, которой никто, кроме Его величества, не может лишить его. Сенат, желая приступить к совещанию по этому делу, приказал ему выйти в другую комнату, чем он и воспользовался, чтобы бежать в Кроншлот»⁴⁵.

Тут возникает множество неразрешимых вопросов. Послание Конона Зотова — это уже не привычная для экстравагантного моряка дерзкая выходка, а по тем временам серьезнейшее государственное преступление. П.И. Сиверс, несомненно, должен был арестовать К.Н. Зотова, заковать его в железа и под конвоем немедленно доставить в Тайную канцелярию, где палачи генерала А.И. Ушакова должны были устроить Зотову «допрос с пристрастием». Так поступали со всеми, кто произнес хотя бы одно «непристойное слово» в адрес самодержца или его действий. Тут же — целое «непристойное дерзновенное доношение». Мы не знаем, что писали царю по этому поводу на Марциальные воды кабинет-секретарь Петра А.В. Макаров, сенаторы и петербургский губернатор А.Д. Меншиков, но... с Зотовым ничего страшного не произошло. Зевс молчал: он пил железистую воду, точил на токарном станке, играл с женой и свитой на бильярде и трук-тафеле, забавлялся в шахматы и бирюльки⁴⁶. Сохранилось за это время множество писем Петра А.В. Макарову, другим сановникам в Петербурге с различными распоряжениями, в том числе по делам флота, но в них нет ни слова о Зотове. Это не значило, что государь утратил присущую ему

⁴⁵ Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 83–85.

⁴⁶ Походный журнал 1720 г. С. 12.

суровость, которой все так боялись. 22 марта генерал И.И. Бутурлин, приставленный наблюдать за порядком в делах Адмиралтейства, получил грозное письмо Петра. Царь заподозрил, что при подготовке экзекуции разоблаченных в воровстве и приговоренных к наказанию служителей Адмиралтейства происходит что-то нечистое в смысле исполнения буквы приговора о казнях по жребью. Государь потребовал ужесточить процедуру наказания: «Я слышал, что в деле кражи адмиралтейской, которым приговорено бросать жеребей, тем бросана заранее, а довелось было сказать всем смерть и потом у казни бросить (жеребий. — Е. А.), а по получении сего велите три раза бросить и кому вынетца казнь или каторга, отпишите»⁴⁷.

28 марта Петр вернулся в Петербург, 30 марта был в Петергофе и как ни в чем не бывало через А.В. Макарова напомнил К.Н. Зотову о ускорении порученного ему перевода французских морских сигналов⁴⁸. Не был отстранен К.Н. Зотов и от командования своим кораблем. 22 августа он рапортовал царю о том, что встретил в море корабли Ревельской эскадры, которые вели четыре трофейных шведских фрегата. Это с победой при Гренгаме возвращались корабли князя М.М. Голицына⁴⁹.

Почему и на этот раз К.Н. Зотов вышел сухим из воды? В-первых, опытным чиновникам из указа Петра в Адмиралтейскую коллегия стало ясно, что гнев государя на дерзкого капитана велик, но не страшен, что это гром, но не молния. Из указа следовало представить К.Н. Зотова не в Тайную канцелярию (как это обычно бывало с государственными преступниками), а только в Юстиц-коллегия, что не одно и то же. Но главное — в указе предписывалось не задерживать капитана позже 20 марта, ведь он нужен для подготовки флота к кампании. Подобным образом с настоящими государственными преступниками никогда не поступали.

Во-вторых, как видно из изложенных выше фактов, Петр не раз прощал дерзости К.Н. Зотова, подобно тому, как умный роди-

⁴⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 287.

⁴⁸ Законодательные акты Петра I... С. 84.

⁴⁹ МИРФ. Ч. II. С. 518.

тель прощает дерзости несдержанному, но даровитому, преданному сыну, искреннему и старательному продолжателю его дела. А Конон Зотов как раз и был по натуре своей истинным сыном Петровым, ярчайшим порождением эпохи реформ, новым русским человеком. Кроме того, Петр прекрасно понимал, что за спиной К.Н. Зотова нет врагов, противников реформ, что он не предатель и руководствуется, пусть и неправильными, но благими, благородными намерениями.

Иначе трудно понять, почему менее чем через год после представления государю дерзкого доношения, в марте 1721 г., К.Н. Зотов был назначен «за контролера Адмиралтейской коллегии»⁵⁰, а в мае он уже посылал царю «пункты» о должности контролера Адмиралтейства. О них Петр писал Ф.М. Апраксину, что «оныя, высмотря, пришлем к вам впредь», что вскоре и сделал⁵¹. Чуть позже генерал-адмирал жаловался на К.Н. Зотова, что тот пререкается с начальством, в контролерскую должность еще не вступил, а предъявил список требуемых ему для работы людей и просит прислать соответствующий ордер⁵². В этих поступках угадывается знакомый нам упрямый характер Конона. Как и прежде, он работал над военно-морским законодательством, наверняка сидел за одним столом с царем и адмиралами, когда несколько недель подряд в начале 1721 г. государь разрабатывал Устав Морской⁵³.

Приложил руку К.Н. Зотов и к разработке «Должности генерал-прокурора»⁵⁴. Его перу принадлежит изданная в 1724 г. книга о морской тактике «Разговор у адмирала с капитаном». Читая ее, так и представляешь себе, как пытливый капитан, вроде К.Н. Зотова, расспрашивает о разных тонкостях морского дела адмирала, чем-то похожее на адмирала Петра Михайлова. Позже К.Н. Зотов, победитель шведов при Эзеле, издал еще одну

⁵⁰ Там же. Ч. IV. С. 454–455.

⁵¹ Там же. Ч. II. С. 580; Архив СПбИИ РАН. Колл. 270. Оп. 1. Д. 104. Л. 127.

⁵² МИРФ. Ч. II. С. 580–581.

⁵³ Там же. Ч. IV. С. 445–446.

⁵⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. СПб., 1897. С. 98–105.

книгу с примечательным дерзким названием «О погоне за неприятелем». Да и после смерти Петра карьера его развивалась вполне успешно: он стал капитан-командором, генерал-экипаж-мейстером, до конца жизни переводил, писал уставы и регламенты — словом, был при любимом деле, но более уж не сочинял дерзкие доношения преемникам первого российского императора — верно, знал, что они его, в отличие от Петра, не поймут, да и дерзости не простят.

И последнее. Если Анри де Лави с определенной точностью передал смысл криминального доношения К.Н. Зотова о пороках самовластия Петра, значит, несмотря на то, что со времен земских соборов прошло более пятидесяти лет, память о иной системе самодержавной власти с Боярской думой и земскими соборами сохранялась в сознании современников великого императора, который «Россию поднял на дыбы» (с ударением на первый слог). В свете изложенного становятся вполне понятными события начала 1730 г., когда дворянством была предпринята попытка ограничения самовластия русских императоров, — становятся вполне понятными и закономерными.

Источники и литература

Андреева Е.А. Французский «десант» Ж.-Б.А. Леблона // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков: Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года. СПб., 2018. С. 231–239.

Берх В.Н. Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1830. Ч. 4.

Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях / Сост. Н.А. Воскресенский; под ред. Б.И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1.

Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб., 2017.

Липтева Т.А. Накануне визита Петра I во Францию: Переписка К.Н. Зотова и Ж. Лефорта // Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию: Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж-Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 332–341.

Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. I; СПб., 1865. Ч. II; СПб., 1866. Ч. III; СПб., 1867. Ч. IV.

Мезин С.А. «Усердный своему отечеству Конон Зотов» // Петровское время в лицах: Материалы научной конференции — 2017. СПб., 2017. С. 205–216.

Общий морской список. СПб., 1885. Т. 1.

Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра: (1725–1765 гг.). М., 1998.

Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. СПб., 1897.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5; СПб., 1912. Т. 6; М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1; М., 1964. Т. 11. Вып. 2; М., 1992. Т. 13. Вып. 1; М., 2003. Т. 13. Вып. 2.

«Дерзость от чистого усердия»: Конон Зотов и Петр Великий

Походные журналы. СПб., 1855.

Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725. СПб., 1884.

Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 40.; СПб., 1888. Т. 61.

References

Andreeva, E.A. (2018). “Francuzskij desant” Zh.-B.A. Leblona [The “French Descent” of J.-B. A. Le Blond]. In D.Yu. Guzevich, A.V. Kobak, M.V. Petrov (Eds.), *Rossiya i Franciya. Kulturnyj dialog v panorame vekov. Materialy X Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 9–10 iyunya 2017 goda* (pp. 231–239). St. Petersburg: Evropejskij Dom. (in Russ.)

Berh, V.N. (1830). *Sobranie pisem imperatora Petra I-go k raznym licam s otvetami na onyya. Chast' 4* [The Collection of Letters of Emperor Peter I to Several People with the Replies. Vol. 4]. St. Petersburg: Morskaya tipografiya. (in Russ.)

Bychkov, A.F. (Ed.). (1855). *Pohodnye zhurnaly* [The Campaign Journals]. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta udelov. (in Russ.)

Krotov, P.A. (2017). *Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom* [The Russian Fleet on the Baltic during Peter the Great Reign]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya. (in Russ.)

Lapteva, N.A. (2018). Nakanune vizita Petra I vo Franciyu: Perepiska K.N. Zotova i Zh. Leforta [On the Eve of the Visit of Peter I to France: The Correspondence of K.N. Zotov and J. Lefort]. In G.B. Boguslavskaya (Ed.), *Evropejskie marshruty Petra Velikogo. K 300-letiyu vizita Petra I vo Franciyu. Materialy IX mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Parizh – Rejms, 20–22 aprelya 2017 goda* (pp. 332–341). St. Petersburg: Evropejskij Dom. (in Russ.)

Materialy dlya istorii russkogo flota. Chasti I–II [The Materials for the History of the Russian Fleet. Part I–II]. (1865). St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva. (in Russ.)

Materialy dlya istorii russkogo flota. Chast' III [The Materials for the History of the Russian Fleet. Part III]. (1866). St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva. (in Russ.)

Materialy dlya istorii russkogo flota. Chast' IV [The Materials for the History of the Russian Fleet. Part IV]. (1867). St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva. (in Russ.)

Mezin, S.A. (2017). “Userdnyj svoemu otechestvu” Konon Zotov [“Diligent to His Homeland, Konon Zotov”]. In I.V. Saverkina (Ed.), *Petrovskoe vremya v lichah. Materialy nauchnoj konferencii — 2017* (pp. 205–216). St. Petersburg: Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha. (in Russ.)

Obshchij morskoy spisok. Tom 1 [The General Marine List. Vol. 1]. (1885). St. Petersburg: Tipografiya V. Demakova. (in Russ.)

Neplyuev, I.I. (1998). Zapiski [The Notes]. In Ya.P. Shahovskoj, I.I. Neplyuev, V.A. Nashchokin (Eds.), *Imperiya posle Petra: 1725–1765 gg.* (pp. 385–445). Moscow: Fond Sergeya Dubova. (in Russ.)

Pavlov-Silvanskij, N.P. (1897). *Proekty reform v zapiskah sovremennikov Petra Velikogo: Opyt izucheniya russkih proektov i neizdannye teksty* [The Reform Projects in Notes by Contemporaries of Peter the Great: The Experience of Studying the Russian Projects and Unreleased Texts]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma. (in Russ.)

Pekarskij, P.P. (1862). *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Tom 1* [The Science and Literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1]. St. Petersburg: Izdanie Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 5 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 5]. (1907). St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 6 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 6]. (1912). St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 9. Vyp. 1 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 9. Issue 1]. (1950). Moscow, Leningrad: AN SSSR. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 11. Vyp. 2 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 11. Issue 2]. (1964). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 13. Vyp. 1 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 13. Issue 1]. (1992). Moscow: Drevlekhranilishche. (in Russ.)

Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 13. Vyp. 2 [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 13. Issue 2]. (2003). Moscow: Drevlekhranilishche. (in Russ.)

Semevskij, M.I. (1884). *Slovo i delo! 1700–1725* [Word and Deed! 1700–1725]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. (in Russ.)

Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. Tom 40 [The Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 40]. (1884). St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. (in Russ.)

Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. Tom 61 [The Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 61]. (1888). St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. (in Russ.)

Voskresenskij, N.A, Syromyatnikova, B.I. (Eds.). (1945). *Zakonodatelnye akty Petra I. Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah. Tom 1* [The Legislative Acts of Peter I. The Acts on the Highest State Institutions. Vol. 1]. Moscow, Leningrad: Akademiya Nauk SSSR. (in Russ.)